

РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛАТВИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО

ЛЕЙШКАЛНЕ Гунна Карловна - соискатель кафедры социологии Московского государственного университета международных отношений.

После распада СССР русские как национальная общность оказались народом, разделенным на части. За пределами России после 1991 г. остались 26 миллионов русских, о проблемах и устремлениях которых много написано. Некоторая часть их сделала выбор в пользу возвращения на историческую родину, но большинство было вынуждено адаптироваться к новым условиям жизни. В данной статье анализируются некоторые проблемы русскоязычного населения Латвии, на мой взгляд, особенно ярко характеризующие положение и перспективы русских за пределами России.

Истоки и содержание "национального вопроса" в современной Латвии. Незадолго до распада СССР и образования самостоятельного латвийского государства в Латвии проживало до 905,5 тыс. русских. Удельный вес русскоязычных жителей превышал 40%, в то время как латыши составляли немногим больше половины всех жителей республики [1, с. 26]. Столь благоприятное количественное соотношение национального состава, с точки зрения автономного этноса, драматически повлияло на этнополитическую ситуацию страны уже на начальной стадии ее самостоятельного развития. "Национальный вопрос", который латентно существовал и раньше, получил не просто "выход" на поверхность общественно-политической жизни, но и резко обострился в новой ситуации. *Он ясно выразил открытый раскол общества как в идейно-политическом, так и в культурно-психологическом отношениях.* Этот вопрос обнаружил связь, во-первых, с проблемой идейно-политической интеграции всех общин в единое гражданское общество, необходимость преодоления этнического раскола общества; во-вторых, с проблемами сугубо этническими, т.е. психологическими, культурными, нравственными и политическими, затрагивающими каждую национальную группу в отдельности.

В таких условиях начала формироваться государственная национальная политика, которая по существу была и остается по содержанию культурно-языковой и опирается на идею иерархии языков, преимущественно на охрану культурно-языковой самобытности латышского народа. В рамках Закона о языке (1989, 1992 гг.) латышскому языку был присвоен *статус единственного государственного языка*, а русский язык могли использовать русскоязычные граждане (и неграждане) в частной сфере общества - в быту, деловых отношениях и т.д. *Язык и языковая политика фактически становятся рычагами "строительства" гражданского общества, преодоления этнического раскола.* Латышский язык получает огромный спектр функций, не только социолингвистических, но и идеологических, политических. В 1995 г. начинается процесс "натурализации" в условиях, когда только 20% нелатышей владели латышским языком, а закон о гражданстве (1994 г.) требовал знания этого языка. Исключение делалось только для тех нелатышей, которые являлись гражданами Латвийской Республики до 1940 г., а также их потомков.

В 1997 г. условия "натурализации" было несколько смягчены. Претенденту на гражданство предлагается продемонстрировать на экзаменах определенный уровень знаний по латышскому языку, основам истории и конституции Латвии, а также знание текста государственного гимна. Но глубокий раскол общества и сегодня сохраняется. До февраля 2003 г. гражданство путем "натурализации" получило 59511 человек; почти половина проживающих в Латвии русских являются негражданами. По данным Управления натурализации ЛР (на август 2004 г.), у 314 178 русских был статус негражданина, 330 201 чел. являлись гражданами, и 19 713 - иностранцами. Еще более медленными темпами процесс "натурализации" проходит в украинской и белорусской среде - за 8 лет гражданство получили только 27,3% белорусов и 16,3% украин-

цев. Всего в начале 2003 г. только 1 795 454 чел., или 77% жителей Латвии, являлись латвийскими гражданами. Опросы, проведенные в 2003 г., показали, что для 23% русских перспектива - это возвращение в Россию [2, с. 281].

Проблема латышского языка становится важной политической проблемой. До 1998 г. латвийским законодательством в области языка и образования было гарантировано право получения всеобщего среднего образования на латышском языке. Закон о языке предусматривал, что обучение в высших учебных заведениях проходит на латышском языке, начиная со второго года. Принятым в октябре 1998 г. законом об образовании национальным меньшинствам предлагаются четыре билингвальных модели образования. В этом законе говорится, что образование может быть получено и на других языках в частных учебных заведениях, а также в заведениях, которые осуществляют образовательные программы нацменьшинств. С сентября 1999 г., согласно правилам Кабинета министров, осуществлялся переход всех латышских средних школ на билингвальную программу обучения, а с сентября 2004 г. обучение в подобных школах должно вестись на латышском языке. Но с приближением этой даты становилось ясно, что процесс подготовки школ к этому переходу не закончен. Против категорически выступили не только сами школьники, их родители и учителя, но и большинство латвийских экспертов. В мае 2003 г., для того чтобы стабилизировать соотношения в использовании языков обучения - 60% предметов на латышском языке и 40% предметов на русском - правительство предложило соответствующие изменения в законе об образовании. Однако 22 января 2004 г., в день, когда в Сейме Латвийской Республики предполагалось принять эти изменения во втором чтении, возле здания Сейма состоялся пикет под лозунгом "Руки прочь от русских школ". В результате - во втором чтении законопроект был принят в новой редакции, где предусматривался переход в средних русскоязычных школах на латышский язык обучения, за исключением предметов, связанных с этнической идентичностью и культурой.

С усилением акций протеста правящая коалиция отказалась от дополнительных ограничений, и в третьем чтении было подготовлено предложение сохранить выдвинутые правительством пропорции, при которых выбор осваиваемых на русском языке предметов был оставлен в ведении школы. Тем не менее, такие пропорции оказались неприемлемыми для защитников русскоязычных школ. Главной причиной чаще всего называлась невозможность большинства школ обеспечить переход 60% предметов на латышский язык обучения и вытекающие из этого опасения, что в результате реформы пострадает общий уровень образования русскоязычной молодежи. С таким мнением согласился ряд латвийских экспертов. В частности, социолог Бригита Зепа в состоявшейся в конце февраля 2004 г. дискуссии "Реформа - последняя капля" сказала: "Период времени, который нам отводился на билингвальное образование, был слишком коротким. Он начался и четко реализовывался с первого класса в 1999 г., и в настоящий момент этот опыт является еще недостаточным, чтобы в 2004 г. перейти на латышский язык". Далее социолог осудила нежелание латвийских политиков прислушаться к обоснованным опасениям учителей, родителей и учеников, а также стремление все претензии воспринимать только как политический шаг: "Самое печальное, что случилось - об этом свидетельствуют исследования школ - что тот воз билингвального обучения и реформы, который тянут вверх и министерство, и русские школы, начинает скользить вниз" [3].

Еще раз свои убеждения противники реформы проявили на митингах протеста, которые прошли у здания Сейма и сопровождали принятие законопроекта в третьем чтении 5 февраля 2004 г. Желаемые изменения все же не были достигнуты, и принятые в третьем чтении "Изменения в законе об образовании" сохранили условие - в преподавании 60% обязательных предметов использовать в качестве языка обучения государственный язык во всех старших классах государственных и самоуправленческих русскоязычных школ. Однако это не снизило активности противников реформы, и с 11 по 12 февраля 2004 г. у Дворца президента проходила забастовка. Но президент не использовал своей возможности вернуть закон об образовании в Сейм на вторичное рассмотрение, и уже 13 февраля были оглашены принятые поправки к закону. Конфликт между правительством и русскоязычной общиной (и неспособность обеих сторон путем диалога достичь компромисса) в немалой степени определил радикализацию существенной части данной общины. Это проявилось на состоявшемся 6 марта 2004 г. Вселатвийском конгрессе защитников русскоязычных школ. Его участники выдвинули 3 главных требования: возобновить обучение на русском языке; предоставить гражданство всем, кто имеет статус негражданина; присвоить русскому языку статус государственного языка. Аналогичные требования прозвучали в организованных позже акциях протеста в Риге и других крупнейших городах Латвии.

Реформа образования и проблемы интеграции русскоязычных в Латвии. Латвийские власти декларировали, что, связывая проблему гражданства с проблемой усвоения латышского языка, исходили из того, что это приведет к осознанию новым поколением ценностей гражданского общества, развитию толерантности и политической культуры, а также одновременному сохранению национальной идентичности и интеграции в латвийское общество [4, с. 5]. Тем не менее, результаты многих исследований, равно как и неоднократные акции протеста, свидетельствуют о том, что введение реформы образования пока способствовало большему расколу между этнолингвистическими группами и государством и обществом, преимущественно его русскоговорящей частью. Например, исследование "Интеграция инородной молодежи в латвийское общество" показало: несмотря на то, что острые столкновения между латышами и русскими на бытовом, будничном уровне не происходят, разрыв на уровне групповых отношений углубился. Характеризуя свои отношения с латышами, только 3% русскоязычных школьников и 1% родителей назвали их враждебными, но 20% школьников признают, что в последние полгода (этот период совпадает со школьными демонстрациями) они ухудшились [5, с. 11, 15]. На усиление этнической отчужденности косвенно указывают и результаты состоявшихся в 2004 г. выборов в Европарламент. Они еще раз подтвердили характерное для Латвии голосование по этническому принципу (выбор политической партии в зависимости от ее этнической ориентации). Из всего спектра представителей обеих этнических групп наибольшую поддержку получили те представляющие и русских, и латышей партии, для которых характерен радикальный взгляд на национальный вопрос. Из партий, представляющих латышей, наибольшее количество голосов набрала националистическая партия "Отечеству и свободе/ЛННК", которая на последних выборах в Сейм едва преодолела пятипроцентный барьер.

Одним из главных столпов интеграционной политики является государственный язык. В то же время - это один из основных источников конфликта между латышами и русскоговорящими жителями Латвии. Однако важно отметить, что однозначно неодобрительное отношение к реформе образования вовсе не свидетельствовало о таком же категорическом отказе от освоения латышского языка. Следует отделить отношение к билингвальному образованию, которое, в общем, воспринимается позитивно, от отношения к переходу русскоязычных средних школ на обучение на латышском языке (60%) с 1 сентября 2004 г. Так, билингвальный метод обучения в этих школах поддержали 65% учителей, 54% родителей, 41% учеников. А предложение о делении предметов (60% на латышском языке и 40% на русском языке) встретило поддержку только 6% учеников, 5% родителей и 10% учителей. За обучение только на русском языке выступили 50% учеников, 39% родителей и 22% учителей [5, с. 92]. Близкую позицию, т.е. в поддержку билингвального обучения, но против реформы, занимают и русские общественные организации. В частности, руководитель Латвийской ассоциации в поддержку школ с обучением на русском языке (ЛАШОР) И. Пименов в интервью газете "Ригас Балс" подчеркнул, что его организация «не против латышизации, но против "перелатышизации" русских детей». Далее было добавлено, что "организация требует отвести достойное место родному языку школьников в средних школах и дать школам возможности для большего выбора" [6, с. 3].

Таким образом, становится понятно, что конфликт между государством и русскоязычной общиной решался не по сути его основного вопроса, а именно: необходимости *учить* латышский язык, но подменился вопросом о том, как, когда и насколько интенсивно следует *преподавать* этот язык. Для полноценного перехода на билингвальное обучение большое значение имеет мотивация овладения другим языком. До сих пор желание жителей Латвии изучать латышский язык было подчинено достижению утилитарных целей. Так, в исследовании "Интеграция инородной молодежи в латвийское общество в контексте реформы" при ответе на вопрос: "Почему, на Ваш взгляд, надо знать латышский язык?", только 18% учеников, 31% родителей, 46% учителей высказались, что всем жителям Латвии надо знать латышский язык. Самой сильной мотивацией овладения латышским языком для русскоязычных школьников является перспектива получения хорошей работы (74%) или образования - 73% [5, с. 95]. Мировой опыт показывает, что, как правило, могут быть две мотивации билингвизма: *инструментальная*, при которой второй язык осваивается для достижения личных целей, и *интегративная*, при которой индивид желает присоединиться к иноязычной группе или идентифицировать себя с ней. Превалярующая часть исследователей билингвизма признают, что более мощным стимулом не только для освоения языка, но и для широкого применения в дальнейшей жизни является интегративная мотивация, к тому же утилитарный подход обычно носит кратковременный характер. Однако, для того чтобы такая интегративная мотивация появи-

лась у латвийских русскоязычных, им необходимо чувствовать принадлежность к этому государству, необходимо принять его цели и конституционный порядок.

Если для латышей Латвия является их национальным государством, основная задача которого защищать латышскую культуру и способствовать ее развитию, то для большей части русскоязычных жителей все еще нет отчетливого понимания своего места в этом государстве. Преобладающая часть латышей уверена, что латышский язык должен быть единственным государственным языком в Латвии. В то же время данные проведенных Балтийским институтом социальных наук исследований "Этническая толерантность и общественная интеграция Латвии", проводившихся в 2004 г., свидетельствуют о том, что введение второго государственного языка в целом поддерживают 84% латвийских жителей нелатышской национальности. При этом поддержка введения второго государственного языка еще более усилилась в контексте реформы образования: за такой шаг проголосовало уже 96% школьников и 95% родителей [7, с. 85]. С другой стороны, латвийское государство еще до сих пор не в состоянии точно сформулировать свои отношения с жителями-нелатышами, пока еще нет единого мнения по поводу их статуса, т.е. статуса меньшинств. Сейм до сих пор не ратифицировал подписанную в 1995 г. Рамочную конвенцию Совета Европы о защите прав национальных меньшинств, причем главной причиной чаще всего называется недостаточность определения нацменьшинств. Общество все еще не достигло консенсуса в отношении того, какие критерии использовать при определении понятия "меньшинства" в Латвии.

Тем временем ощущение непринадлежности к государству является одной из острейших проблем, которая сегодня затрагивает нацменьшинства Латвии, особенно людей русской национальности. Кризис принадлежности, т.е. идентичности в широком смысле, в большей степени связан с переменной статуса, которая касалась проживающих в Латвии русских после восстановления независимости. Тогда они не только из большинства СССР стали меньшинством страны, но и большая часть их в один день превратилась в "неграждан" в государстве, в котором они или родились, или произвели на свет детей. Проблема отчуждения явнее всего выражается в отношении русской общины с латвийским государством, гораздо в меньшей степени она касается общения между этническими группами. Результаты большинства исследований свидетельствуют о том, что население Латвии оценивает этнические отношения в государстве как дружественные. В упомянутом исследовании Балтийского института социальных наук нацменьшинства дают этническим отношениям более высокую оценку (по десятибалльной шкале - 8,4 балла), чем латыши (7,8 балла). Намного негативнее оцениваются отношения с латвийским государством. Например, главный редактор русской версии портала "Делфи" А. Голубов в статье "Люблю страну, ненавижу государство" характеризует эти отношения следующим образом: "Взаимоотношения русских жителей Латвии с государством после распада СССР во многом ухудшились. Могут ли люди, которые никаким образом не могут влиять на управление государством или хотя бы своим поселком, любить эту систему? Они не видят себя в ней, не чувствуют обратной связи, какая уж тут любовь" [8].

Проблему, которую А. Голубов сформулировал как отсутствие "обратной связи", часто объясняют спецификой латвийской политической жизни, в рамках которой правительство представляет только одну этническую общину - основную нацию. Хотя в латвийском обществе ни одна этническая группа не занимает определенной социальной страты, и в пределах этнических групп представлены различные экономические интересы, партийной системе присущи четко выраженные тенденции высокой этнической консолидации. Остальные, присущие большинству обществ деления: центр - периферия; село - город; капиталисты - рабочие и т.д., в Латвии имеют место, но почти не отражаются в партийной системе. Главным критерием деления партий на "правые" и "левые" является их подход к национальному вопросу. Партии, представляющие русскоязычных жителей, не принимали участия ни в одном правительстве, так что в русскоязычной общине, даже в той части, которая уже получила гражданство и право на участие в голосовании, постепенно сформировалось чувство, что для латышских политиков и латвийского государства она - не более чем пассивный объект политических решений.

Возвращаясь к проблеме реформы образования, можно сказать, что в условиях этнической консолидации, в рамках биполярной партийной системы с присущим ей противопоставлением "мы" и "они", национальная политика и связанные с национальным меньшинством вопросы рассматриваются как "игра с нулевой ставкой", в которой возможность достижения компромисса сводятся к минимуму, так как победа одной стороны будет восприниматься как поражение другой. Но, отбросив такую логику, становится понятным, что главный проигравший в результате реформирования образования - это сама реформа, основная задача которой

была способствовать интеграции русскоязычной молодежи. Достигнутый на сегодняшний день результат заключается в *принудительном обучении школьников на латышском языке*, что, несомненно, повлекло за собой еще большее их отчуждение от государства, с одной стороны, и от его общих целей - с другой. Вряд ли получение гражданства путем "натурализации" и освоение латышского языка в целях карьерного роста смогут сблизить этих людей с современным латвийским государством. *Оно само должно сделать первый шаг на пути к сближению с этими людьми.* Латвийскому правительству интересы русскоязычных надо принимать как общие государственные интересы, только тогда политика интеграции будет в состоянии достичь намеченной цели.

Объективно в Латвии есть важные предпосылки для интеграции, и значительная часть их возникла относительно давно. Важнейшей из них является тот факт, что большинство нелатышей чувствуют привязанность к Латвии, воспринимают ее как свою родину и заинтересованы в ее процветании и развитии. Социологический опрос показывает, что на вопрос: "Насколько тесно Вы связаны с Латвией?", большая часть респондентов (60% школьников, 79% родителей и 95% учителей) выбрали как наиболее подходящие им варианты ответов: "тесно" и "очень тесно" [5, с. 97].

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что интеграция русской общины в латвийское общество, сближение с латвийским государством в большой степени зависит от того, как будут складываться ее дальнейшие отношения с властью. Это особенно важно для нового русскоязычного поколения, для которого вопрос о гражданстве постепенно теряет актуальность, но чувство принадлежности к Латвии очень часто вступает в противоречие с чувством отчужденности к латвийскому государству. О том, насколько этот кризис государственной идентичности, или принадлежности, затрагивает детей русской национальности, свидетельствовал конкурс детских сочинений, который был организован в трех балтийских государствах выпускаемой на русском языке прессой в рамках Международного Балтийского молодежного проекта "Я - русский?". Ученица 12-го класса Рижской 22-ой средней школы Анастасия Пыдыаш высказалась о месте русскоязычной молодежи в Латвии следующим образом: «Думаю, что мы, русскоязычные жители Латвии нового поколения, можем смело называть себя "интернациональными жителями с русским уклоном" - навечно чужими везде. Потому что для России мы - отщепенцы, потерянные и забытые, для Латвии - оккупанты, национальное меньшинство, которое мешает всем жить, а на Западе вообще никто не знает о нашем существовании» [9].

Несомненно, для повышения уровня знаний латышского языка и реформы образования в среде нелатышской молодежи нужна инициатива, в первую очередь, самих молодых, так как без этого их конкурентоспособность на рынке труда в будущем заметно снизится. Но сами по себе знания государственного языка едва ли обеспечат полноценную интеграцию в общество и сближение с латвийским государством. Для того, чтобы это происходило параллельно реформированию образования, необходима объединяющая всех жителей, основанная на принципах мультикультурализма национальная идея, которая была бы способна и в сердцах молодых людей некоренной национальности пробуждать чувство, что они, их талант и знания нужны этому государству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер Э. Государство и этнические меньшинства Латвии. Рига, 1997.
2. Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. М., 2004.
3. Гирт Салмеризис. Реформа - последняя капля. Публикация на портале 02.03.2004. <http://www.Politika.lv>
4. Концепция государственной программы "Общественная интеграция в Латвии". Рига, 1999.
5. Интеграция инородной молодежи в латвийское общество в контексте реформ. Рига: БИСН, 2004.
6. Пименов И. Пикетом не достичь уничтожения латышского языка // Ригас Балсс. 23.01.04.
7. Этническая толерантность и общественная интеграция Латвии. Рига: БИСН, 2004.
8. Голубов А. "Люблю страну, ненавижу государство". Опубликовано на портале "Politika.lv" 24.08.04. <http://www.Politika.lv>
9. Авотиныш В. Дети в потерянное время // Неаткарига Рита Авизе. 19.05.2004.